

из людей в самом цветущем возрасте отправиться с ним добровольцами в этот поход. Их набралась тысяча человек, не считая других сил. Перикл пытался в народном собрании удержать и уговорить его, сказав свои достопамятные слова: «Если ты не хочешь слушаться Перикла, то ты во всяком случае не ошибешься, выждав мудрейшего из всех советников—время». Тогда это изречение не доставило ему большой славы, но спустя несколько дней, когда в Афинах получилось известие, что погиб и сам Толмид, потерпев поражение в бою, и многие доблестные граждане,—это изречение доставило Периклу большие симпатии и популярность, так как он выказал себя рассудительным и патриотически настроенным гражданином».

Вновь найденная надпись показывает, что Плутарх восходит к хорошему источнику, тогда как Фукидид, очевидно, замалчивает неудобные подробности: она подтверждает и то, что поход был предпринят добровольцами, и то, что были влиятельные группы, не сочувствовавшие этому походу. Кто бы ни поставил эту надгробную надпись—правительство или друзья покойных—ясно, что они относятся с неодобрением к участию их в походе. Мы видим даже, что была, повидимому, сделана попытка (вероятно, со стороны беотийского жречества) инсценировать появление на священной дороге (т. е., вероятно, на дороге, ведущей в храм Афины Итонии) призрака героя, предупреждающего афинян об ожидающем их поражении. Выражение «жестокосердые» уместно лишь в случае добровольного похода. «Безнадежная война» напоминает «самый неблагоприятный момент» Плутарха. Пропаганда веры в предсказания показывает, что были уже значительные круги граждан, не веривших в них; она напоминает нам очень близкие места из «Эдипа-царя» Софокла и из Геродота. По мнению Боура, надпись написана в лаконском стиле. Все это делает понимание классовой и партийной ситуации в этот момент чрезвычайно затруднительным.

С. Я. Лурье

«Троян» в «Слове о полку Игореве»*)

(К истории вопроса в науке)

В истории попыток расшифровки образа «Трояна» в «Слове о полку Игореве» можно наметить четыре основных направления: мифологическое, символическое, историко-литературное и историческое. Не ставя своей задачей сейчас подробный обзор всех высказываний по этому вопросу, отмечу только, что, в главном, мифологическое направление в нашей науке представлено Буслаевым, Квашниным-Самариным, Барсовым; второе, символическое—Н. Полевым, Д. Дубенским, Бодянским, Забелиным, тем же Барсовым, М. Данилевским, Потемной, Н. И. Костомаровым, Огоновским, А. В. Лонгиновым, Гр. Ильинским, Шляковым; третье, историко-литературное—П. П. Вяземским, Вс. Миллером, А. Н. Веселовским, А. Н. Пыпиным; четвертое, историческое—Карамзиным, М. А. Максимовичем, отчасти О. Огоновским, М. С. Дриновым, Н. П. Дашкевичем и др.

Мифологическое направление, в лице проф. Буслаева, исходило в истолковании образа «Трояна» в «Слове о полку Игореве» из данных южнославянского фольклора, из сказочных преданий и поверий болгар и сербов о некоем царе Трояне, представляющем собою, по толкованию Буслаева, мифическое существо. В этих преданиях проф. Буслаев видел тот единый, общий эпический цикл, из которого и наш Боян черпал свои песни о веках и земле Трояновой. В этих преданиях «царь Троян», подобно фригийскому Мидасу, выступает с козлиными ушами, какие бывали у классических

*) Отрывок из доклада автора (в сокращенном изложении), прочтенного в пленарном заседании Института этнографии 11 июня 1938 г.

фавнов, обыкновенно сближаемых с лесными эльфами, с нашими лешими, с Китоврасом наших сказок и т. п.

На мифологической точке зрения в истолковании образа Трояна в «Слове о полку Игореве» частично стоял и О. Огоновский. С этой точки зрения он толковал выражение в «Слове» — «Были вещи Трояни», понимая это выражение в смысле «счастливые века, в которые Троян, бог солнечного света, побеждал демонов тьмы», и предполагая у автора «Слова» это представление, несомненно, связанным с эпохой князя Владимира. В выражении — «на седьмом веке Трояни» — Огоновский считал число 7 стереотипным для народной поэзии; поэтому он предполагал, что выражением «на седьмом веке Трояни» автор хотел сказать, что Всеслав начал усобицу в то время, когда этот век Трояна уже миновал, будучи седьмым и последним.

Буслаевское мифологическое истолкование Трояна в «Слове», как «древнего божества славян», в 1887 г. принял Барсов. Исходя из этого понимания образа Трояна, Барсов толковал выражение — «риша в тропу трояню чрез поля на горы», как образ пути Игоря, который, по безводности полей, по грандиозности холмов, говорит он, рисовался воображению поэта, как путь, где так сказывалась мощь Трояна: пройти этот путь — значило совершить необычайный подвиг, значило пройти поле Трояна и «горы Трояна».

По Барсову, Троян в патриархальную эпоху был представителем славянского рода; с развитием славянского племени и выступлением его на историческое поприще Троян стал национальным покровителем, поборником славянства, божеством его героической славы. По крайней мере, для дружинной киевской среды, говорит Барсов, он, как видно, был «богом ратей и браней»... Повидимому, заключает Барсов, в песнотворчестве Бояна этот мифический властелин славянства; полубог, был таким средоточным лицом, каким является князь Владимир в былинах Киевского цикла. К его имени прикреплялись целые века славянской истории. Такими соображениями Барсов объясняет выражение «Слова» — «века Трояновы» и т. д.

Троян «Слова о полку Игореве» не имеет ничего общего с образом этого Трояна наших фольклористов-мифологов. Но что в своей первооснове, как один из богов общеславянского пантеона в древности, он мог быть известен автору «Слова», как были ему известны и Дажьбог, и Хорс, и Велес, и Стрибог, и другие божества, в этом вряд ли можно сомневаться. Что же касается идеологической сущности этого божества, то она прекрасно вскрывается из палеонтологического анализа его имени. Слово *Trojan*, с этой точки зрения, представляет собою двусосновной скрещенный термин, в котором ясно выступает элемент *tro—tor*, отложившийся в своем первичном виде в наименовании именно скандинавского бога грозы и грома *Thor*, наиболее значительного бога между всеми азами, сына Одина и богини земли Иорды. Правда, функциональная роль бога Тора не совпадает с ролью Трояна — Мидаса южнославянского фольклора, но это несколько не меняет дела, а только характеризует, повидимому, разные по своей стадильности ступени развития мышления.

Взятый же в целом, скрещенный двуэлементный термин *trojan* можно возводить в конечном счете к акающему прототипу *tarhan*. В монгольском языке этот термин известен «с социальным значением «кузнеца», как культовой термин, он же тотемное выражение «бог», первоначально «небо», что и устанавливается за его основой словом *Tor*, — между прочим, в чувашском, где сам наш социальный термин звучит *torgan*¹.

Рассматривая термин *tar-han*, Н. Я. Марр замечает, что это слово и с окончанием мнужественного числа также племенное название, равно племенное божество, впоследствии и полубог, эпический герой, независимо от вхождения в виде *tar-qa* в состав *Tam-o+*

¹ Н. Я. Марр — Абхазоведение и Абхазы. «Избранные работы», т. V, М.—Л., 1935, стр. 180.

+*tarqa* (Тматоракань), в полном виде *Tar-qan* или *Tar-qun*... нас заносит не только в Среднюю Азию и турецко-монгольское средневековье, но и в архаический средиземноморский мир, в Малую и вообще Переднюю Азию и далее в Италию, здесь — древнее этрусков VIII—IX вв. до н. э.¹

Такова первичная теогоническая основа Трояна, общая на известной стадии развития социальности и мышления для всех народов территории от Эгейского моря до Карпат на севере, до верховьев Днепра и Заднепровских районов — на востоке, до Приазовья и Причерноморья — на юге. Но это — именно первичная, теогоническая основа Трояна, а не Троян-Мидас южнославянских сказаний и легенд и, тем более, не Троян «Слова о полку Игореве».

Первичное божество, перерождающееся впоследствии в полубога, в эпического героя, с позднейшим отождествлением его с римским императором Траяном, — вот тот процесс, который вскрывает нам образ Трояна в «Слове о полку Игореве». Это нечто совсем обратное тому, что мы читаем у В. Мансикка в его истолковании образа Трояна в нашем «Слове», по которому это имя есть имя обоженного римского императора, культ которого, говорит автор, был распространен в Римской империи, проникшее к восточным славянам через посредство южных².

Таким образом, термин Троян глоттогонически можно считать — отчасти, по крайней мере — разъясненным. В своей первооснове это скрещенное племенное наименование, тоже божество, «бог», первоначально «небо», отложившееся в монгольском *тархан* с социальным значением «кузнец». Как и монгольский «тархан», славянский «троян» это первоначально, повидимому, божество подземного металлического царства, это «кузнец», наподобие северногерманских альфов-ковачей, где, однако, Тор выступает в функции бога грома. И подобно альфу Всезнайке, гибнущему по злему умыслу Тора от солнца, гибнет и славянский Троян от солнца же по злему умыслу брата или мужа своей возлюбленной.

Направление, которое я характеризую термином символическое, в изучении образа «Трояна» в нашем «Слове о полку Игореве», видит в нем некий символ или метаморфическую, иносказательную замену других объектов. Оно ставит своей задачей вскрыть так или иначе подлинное содержание этого метаморфического образа, заполнить его конкретным содержанием и затем истолковать в духе этого предполагаемого конкретного содержания подлинное значение каждого из четырех мест в «Слове» с упоминанием имени Трояна.

Во главе этого направления стоит Николай Полевой, который уже в 1833 г. высказался в том смысле, что под именем Трояна надо понимать не римского императора, а русского великого князя Владимира Ярославича. Вслед за ним на этой же точке зрения стояли Д. Дубенский (1844 г.), Бодянский (1846 г.), Огоновский (1876 г.)³.

В 1895 г. А. В. Лонгинов в своем «Историческом исследовании Сказания о походе северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г.» (Одесса) с исключитель-

¹ Там же, стр. 180 сл.

² См. V. J. Mansikka—Die Religion der Ostslaven, I—Quellen. Helsinki, 1923, стр. 397.

³ Н. Полевой—«Московский телеграф», 1833, ч. V, стр. 419—442; Д. Дубенский—«Слово о полку Игореве Святославля песнотворца старого времени. Объясненное по древним письменным памятникам магистром Дмитрием Дубенским». М., 1844. Напечатано было в 3-й части «Русских достопримечательностей», ОИДР, М., 1844, и затем выпущено отдельно; Бодянский—Об одном прологе библиотеки Московской духовной типографии и тождестве славянских божеств Хорса и Дажбога, см. «Чтения Общества истории и древностей российских», 1846, № 2, стр. 10—20; Омельян Огоновский—«Слово о полку Игореве». Поэтический памятник Русской письменности XII вeku. У Львові, 1876, стр. 106; М. А. Максимович—О значении имени «Троян», упоминаемого в «Слове о полку Игоря», Собр. соч., II. Киев, 1877, стр. 433.

ной обстоятельностью и с такою же, надо сказать, не менее исключительной искусственностью доказывал, что именем божества Трояна, неизвестно когда привившимся к солнечному культу у славян, этим эпическим прозванием Владимира Всеволодовича народ заменил непонятное для него греческое прозвание Владимира Мономахом; что тропа Трояня это есть — « вполне подобающее солнечному потомку Трояна сплетение певцом года первого опустошительного вторжения на Русь половцев, когда Мономах был семилетком », с тем седьмым тысячелетним веком (в апокрифическом Слове Мефодия Патарского), к которому приурочиваются нашествие агарян и ужасное положение побежденных, после чего идет рассказ о рождении Антихриста... Если по дошедшему до летописца, в начале XII столетия, преданию Дажь-бог Сварожич царствовал более 7 тысяч дней-лет, то весьма возможно, говорит автор, что знавший подобное предание автор « Слова » употребил двусмысленное выражение (на вещи) с целью вызвать и мифическое представление о долговечности Трояна-Мономаха, соответственно долговечности его предка Дажь-бога, и т. п.

Другой исследователь, Шляков, в 1905 г. видел в «Трояне» «Слова» Олега Святославича, который, по автору, родился в седьмом поколении после Рюрика. В соответствии с этим толкованием, т. е. применительно к Олегу Святославичу, автор перестроил, весьма неудачно и с большими несуразностями, и объяснение четырех мест в «Слове», где упоминается имя Трояна¹.

Уже Д. Дубенский в 1855 г. толковал выражение «земля Трояня», как наименование русской земли, названной «трояновою», повидимому, в том смысле что по смерти Святослава I она досталась трем братьям².

Впоследствии эта легенда, или миф о «трех братьях», лежащий, будто бы, в основе имени «Троян» в «Слове о полку Игореве», получил в литературе довольно широкую популярность в попытках истолкования загадочного «Трояна» в нашем «Слове», начиная с Н. И. Костомарова в 1870 г. и кончая Гр. Ильинским в 1930 г.

По мнению Н. И. Костомарова, в украинских сказках «три брата» (обыкновенный сказочный прием) называются трояны; даже и в разговоре употребляется, хотя редко, это выражение, когда говорится о трех братьях в семействе. Есть, сверх того, украинское слово троянда, означающее розовый куст, называемый так от троекратной пересадки. История Руси начинается тремя братьями — Кием, Щеком и Хоривом. Костомаров допускает возможность, что выражения «тропа Трояня» «земля Трояня», «веди Трояни» в «Слове» относятся к этим именно древним князьям полян. С этой точки зрения, по Костомарову, «земля Трояня» — это земля русская, земля троянов, т. е. трех братьев; «веди Трояни» это — древняя священная старина народных преданий, воспетая Бояном; «тропа Трояня» — исторический путь русской жизни, начинающейся с трех братьев (газета «Голос», 1870, № 117, стр. 2).

Вслед за Костомаровым в 1876 г. тот же «миф о Трояне» был положен в основу истолкования «Трояна» в «Слове» Ив. Забединым в его «Истории русской жизни».

Исходя, в основном, из буслаевского мифологического объяснения «Трояна» в «Слове», Забелин говорил о существовании в древнерусской традиции специального мифа о Трояне. Таким мифом он называл, прежде всего, легенду о трех братьях, основателях Киева, — Кие, Щеке и Хориве; и затем такую же легенду об основателях русской государственности, трех братьях — Рюрике, Синеусе и Труворе. Забелин предполагал, что этот же миф лежит и в основе рассказа Геродота о трех скифских братьях,

¹ См. «Новый сборник статей по славяноведению в честь В. И. Ламанского», СПб, 1905, стр. 189; ср. Д-р В. Шурат в «Записках научного товарищества имени Шевченка», т. LXXXI, 1908, стр. 183 сл.

² См. его отметки на некоторых местах «Сл. о п. Иг.» в «Отеч. зап.» 1855, т. CI, июнь, отдел критики, стр. 1—12.

которым с неба упало золото—плуг, ярмо, чаша, секира, и о том, как они оберегали это золото (стр. 252).

Мифический Троян, по Забелину,—это трехбратний род, от которого, собственно, и расплодилось русское славянство. В имени Трояна, говорит он, разумеется как бы вообще к н я ж е с к и й р о д. В этом смысле он и толковал понятия—троянова земля, троянова тропа, трояновы древние века и пр., а равным образом и наименование древних земляных валов от Киева до Дуная трояновыми¹.

В 1930 г. Гр. Ильинский, исходя из фантастического предположения о том, что в праславянском (?) языке слово т р о я н означало триаду, т. е. «нечто тройственное, триединое» и вообще—«три органически связанные между собою предмета»; учитывая затем наличность в современном живом украинском языке слова т р о я н в значении «отец, имеющий трех сыновей-близнецов», что, по данным праславянского (?) языка, первоначально могло означать, как утверждает автор, и отец, имеющий вообще трех сыновей,—пришел к заключению, что под именем Троян в «Слове о полку Игореве» скрывается не кто иной, как знаменитый отец Владимира Святославича Киевского, Святослав Игоревич, этот князь-патриот и рыцарь «без страха и упрека» («иду на вы»), который всегда предпочитал смерть поражению («мертвые бо сраму не имуть»), и который выше всего ставил честь родной земли («не посраим земли русской»). Святослав Игоревич и был таким именно отцом трех сыновей—Ярополка, Олега и Владимира.

Отсюда, «риша в тропу трояню через поля на горы» это значит, по Ильинскому, устремляясь мыслью вслед за Святославом через Черноморские степи и Балканские горы во время его знаменитого похода в Болгарию.

«Веци Трояни», по Ильинскому, это времена Святославы и его трех сыновей; «земля Трояня»—это земля Святославова; «на седьмом веце Трояни» это—седьмое после Святослава великое княжение Всеволода (1078—1093 гг.), когда Всеслав «врже жребий о девицу себе любу»².

Е. В. Барсов (1887—1890 гг.), в общем, считал приемлемым толкование Трояна, предложенное Забелиным. «Мнение это,—говорит он,—не так фантастично, чтобы на него не стоило обращать внимания, как выразился о том В. Ф. Миллер». Однако сам Барсов не использовал этого мнения Забелина в своем исследовании «Слова» и вслед за Буслаевым видел в Трояне «древнее божество славян». В частности, выражение «Слова о полку Игореве»—«риша в тропу трояню чрез поля на горы»—Барсов толковал, как о б р а з и у т и И г о р я, который, по безводности полей, по грандиозности холмов, рисовался воображению поэта, как путь, где так сказывалась мощь Трояня: пройти этот путь—значило совершить необычайный подвиг, значило пройти «поле Трояна» и «горы Трояна».

Земля у Дона, говорит Барсов, земля приморская, своими вековыми валунами не иное впечатление могла производить на эпического человека, как и трудная дорога к ней «через поля и горы». Здесь он должен был видеть то же владычество Трояна, ту же мощь, как и в горах, которые вели к ней. Дева-обида спустилась на «землю Троянову», т. е. на «берег граней холмов вековых и всплескалась лебединым крылом на синем море»...

Более удачное, но также в основном несостоятельное соображение Барсов высказывает по поводу «7-го века Троянова», связывая его с началом выступления славян на всемирно-историческое поприще, которое он относит к 500 г. н. э.—это первое

¹ Забелин—История русской жизни с древнейших времен, ч. 1, стр. 581—583, Москва, 1908, 2-е изд.

² Гр. Ильинский—Хто Троян у «Слові о полку Ігоревім»?—см. «Україна», 1930, кн. 41, травень—червень, стр. 13—18.

вторжение славян во Фракию и Мизию. Века, прошедшие с этого времени до времени Всеслава, говорит он, равняются действительно более чем шести векам. В течение всех этих веков—много было браней, в которых сказалась героическая слава славянства, и потому они могли быть названы веками Трояна. Впрочем, автор более склонен приписывать в данном случае числу с е м ь скорее эпическое, чем историческое значение¹.

Все эти объяснения образа Трояна в «Слове о полку Игореве» и подобные им страдают одним и тем же недостатком: искусственной надуманностью, интуитивной субъективностью, полным отсутствием под собою каких-либо конкретно-осязаемых, убедительных материальных оснований, в силу чего они и не выдерживают никакой критики.

Начало историко-литературному изучению «Слова о полку Игореве» было положено в 1851—1863 гг. автором известных «Замечаний на Слово», Павлом Петровичем Вяземским. Однако только спустя двадцать с лишком лет после этого, в 1875 г., автору удалось закончить свой труд и выпустить его отдельной монографией. Исследование Вяземского впервые ввело наше «Слово» в круг мировой литературы и, при всех своих несомненных увлечениях, открыло собою, тем не менее, новые пути в изучении этого драгоценного памятника нашей литературной старины. Автор поставил наше «Слово» в связь с мировым литературным движением XII столетия, исходившим из изучения Троянских сказаний и тенденции соединения истории новейших, европейских племен с древними родами. На основании этого автор относит к Троянским сказаниям все места в «Слове», где упоминается имя Трояна; объясняет и м я Б о я н а Г о м е р о м (как Гомер по преимуществу *ποιητής*, *poëta*, без придачи собственного имени, так б о я н вообще поэт по этимологическому значению слова); «тропу трояню» он объясняет, как «в о з в р а т т р о я н с к и й» (*τροπή*); «дева-обида», вступившая на землю Дажбожа внука,—Елена и т. п.²

«Ни один из памятников нашей старины,—говорил А. Н. Пыпин в 1857 г.,—не подвергался столько раз толкованиям, не был столько раз подводим под разные точки зрения, как это «Слово»; если до сих пор оно остается темным по некоторым отношениям, виною тому прежде всего испорченность известного текста, не дающая понимать его ближайшего значения, и неизвестность самого периода литературного, которому оно принадлежит,—неизвестность, за которую оставалась необъясненною возможность подобного явления в ту отдаленную пору. Это произведение замечательно не тем только, что в нем рассеяно много истинно-поэтических представлений, и не тем, что в нем обильною струей проходят образы народной поэзии: если в нем много народного начала, то столько же, если не более, частного авторского труда, и в этом последнем отношении «Слово» до сих пор не находит основательной оценки. Не имея теперь намерения определить его с этой стороны, что потребовало бы специального исследования,—говорит Пыпин,—мы упомянем только о мнениях автора недавно напечатанных и еще не конченных «Замечаний на «Слово о полку Игореве», где в первый раз и очень оригинально выражена мысль, что сочинитель «Слова» вообще был ученый писатель своего времени и что, в частности, относительно своего предмета, он глубоко изучил Гомера и Эврипида, и что, наконец, одна из главных основ поэмы—сближение русских событий с Троянскими сказаниями, ходившими тогда по всей Европе. Знакомство с Гомером автор «Замечаний» объясняет, отчасти против общепринятых мнений, значительною известностью Гомера в Западной и Восточной Европе и влиянием светской литературы византийской на русскую в XI—XII столетиях...»

Этим автором «Замечаний на «Слово о полку Игореве», о котором говорит Пыпин, и был названный выше П. П. Вяземский.

¹ См. его «Слово о полку Игореве», I. М., 1887, стр. 383—389.

² См. «Временник Общества истории и древностей российских», 1851, кн. 11, и 1853, кн. 17; отдельным изданием монография П. П. Вяземского в законченном виде вышла под тем же заглавием—«Замечания на «Слово о полку Игореве» в СПб в 1875 г.

«Единство, являющееся в литературном направлении XII столетия,—говорит Вяземский,—между всеми современными писателями Восточной империи, Германии, Франции и русским певцом, а также и общее стремление к изучению Троянских сказаний и соединение истории новейших европейских племен с древними родами сильно подтверждают в историческом отношении подлинность «Слова о полку Игореве» и современность его к событиям, в оном изложенным. Но ни в одном памятнике стремление это не представляется с той силой, как в сей песне. Везде видны следы учености и подражания латинским родословиям. В песне же сей воспоминания про древние роды являются с характером народности и полного убеждения. Весьма заметно, что певец Игорь сам верит и говорит людям верящим и его понимающим».

Пыпин отнесся скептически к сближению Вяземским «Слова» с Троянскими сказаниями и полагал более естественным находить здесь намеки не на троянскую историю, а на какие-то народные предания, теперь неизвестные, но, конечно, не имеющие отношения к Троянским сказаниям. Однако Пыпин считал, что мнения автора «Замечаний» любопытны и имеют свою цену в том отношении, что предполагают в сочинителе «Слова» не простого подражателя народному эпосу, а писателя самобытного, имевшего свой выбор сюжета и изложения... «Слово о полку Игореве», замечает Пыпин, представляет в нашей старинной письменности пример такого же героического эпоса, каким обладала германская средневековая литература, т. е. эпоса, уже возвысившегося над уровнем народной словесности устной до замечательной по своим достоинствам литературной обработки. Если явления литературы, говорит Пыпин, обыкновенно совершаются в известной постепенности, имеют свои причины и следствия, то легко притти к заключению, что подобный памятник едва ли мог образоваться так уединенно, как представляется нам теперь. Ему предшествовало известное литературное развитие, и оно сделало возможным появление такого факта; это предыдущее развитие указало те пути, по которым мог следовать автор старинного эпоса; с одной стороны, перед ним лежали богатые запасы народной поэзии,—он ими и воспользовался значительно; с другой—произведения письменной литературы, вероятно, не оставшиеся без влияния на его форму. Указанные нами прежде произведения, замечает Пыпин, дают некоторое понятие об этой литературной эпохе, и хотя мы не знаем всего объема древней повести, но можем догадываться, что она составляла знаменательное звено в тогдашней письменности и имела свою долю участия в образовании такого памятника, как «Слово о полку Игореве»¹.

Произведения, которые в данном случае имеет в виду автор, это—средневековые сказания об Александре Македонском, или так называемая «Александрия», «Повесть о Троянской войне», «Притча о кралех» и т. п.

Что автор «Слова» был знаком с славянско-византийской литературой об Александре Македонском и Троянской войне и кое-чем в литературном оформлении своего произведения обязан этой именно литературе, в настоящее время вряд ли можно сомневаться.

Особенного внимания с этой точки зрения заслуживают две болгарские повести: «Троянская притча» и «Слово о ветхом Александре», посвященное троянскому Парису, где город Трояда, между прочим, выступает иногда и под именем Т р о я н ь. Эти произведения заключают в себе многие интересные детали, которые имеют свои параллели и в «Слове о полку Игореве».

После П. П. Вяземского сравнительный историко-литературный метод был положен в основу изучения «Слова» академиком В с. Ф. М и л л е р о м в его исследовании 1877 г.—«Взгляд на «Слово о полку Игореве». В с. Ф. Миллер высказал предположение, что в основе «Слова» лежит византийско-болгарский прототип и что

¹ А. Н. Пыпин—Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб, 1857, стр. 92—95.

Бояновские места в «Слове» представляют собою—«не больше, как дань увлечения со стороны автора «старыми словесами», найденными им в болгарских книжках, которые он вставлял в свое произведение».

Вс. Миллер стоял на той точке зрения, что наше «Слово» есть произведение книжное и что автор его был человек грамотный и просвещенный. Поиски прототипа «Слова», т. е. аналогичных книжных произведений, влияние которых могло сказаться на «Слове», направили мысль исследователя к области старинных повестей, «историй» и «сказаний» вроде истории об Александре Македонском, о Троянской войне, о деянии Девгениеве, повести о Соломоне и т. п.; в области этой книжной словесности автор специально останавливается на повести о Дигенисе Акрите, который, по характеристике Вс. Миллера, был для греков средних веков и нового времени таким же блестящим представителем эллинизма, как Ахилл для древней Эллады. Естественно, что и ближайшая соседка Византии, Болгария, усвоившая массу византийских произведений, должна была познакомиться с популярной личностью Дигениса и в свою очередь водворить эту личность на русской почве. «Думаю,—говорит Вс. Миллер,—что, отыскивая образцы, которым мог подражать автор «Слова», мы поступаем научнее, нежели те, которые считают это произведение блестящим исключением из общего правила. Понятно, что дело идет не о содержании «Слова», а о форме, о поэтическом языке, т. е. о том, в чем автор мог подражать другим. Если мы,—оговаривается Вс. Миллер,—прежде всего обратили внимание на повесть о прекрасном Девгении, то отнюдь не в убеждении, что именно ее, а не другое произведение, взял автор себе образцом». Далее проводится аналогия этой повести с «Словом», как в общем характере рассказа, так и в отдельных выражениях¹.

Труд Вс. Ф. Миллера вызвал высказывание на ту же тему академика А. Н. Веселовского, которое он изложил в августовской книжке ЖМНП за 1877 г., в специальной статье, посвященной разбору исследования Вс. Миллера—«Новый взгляд на «Слово о полку Игореве» (стр. 267—306).

Веселовский искал объяснение упоминанию Троян в «Слове» в средневековых книжных сказаниях о Троянской войне. Имя Троян, по Веселовскому, стало как бы эпонимом троянского народа (подобно тому, как русских производили от их предков Руса, чехов от Чеха и т. п.). Век Трояна, по Веселовскому, мог быть обозначением отдельных времен, веков «Трояна»,—тройских деяний. Распространенность книжных сказаний о Троянской войне в средние века, как на Востоке—в Византии, так и в Западной Европе не подлежит сомнению: от троянских героев вели средневековые писатели, например, генеалогию франков. Рассматривая некоторые из этих сказаний, Веселовский обращает особенное внимание на некоторые черты, приурочивающие троян, с одной стороны, к Македонии, с другой—к берегам Дона, Азовского моря, где—по «Слову о полку Игореве»—лежала земля троян... Веселовский останавливает свое внимание на том факте, что Фредегар Схоластик (после 658 г.) и неизвестный автор сочинения «Gesta Francorum», приурочившие, как известно, к франкам культурные предания Рима, восходившие к Энею и Трое, находят еще троянцев-тюрков: первый—на берегах Дуная, а другой—у устьев Дона...

Исходя из этих предпосылок, Веселовский следующим образом комментирует упоминание «земли Трояней» на Дону: автор «Слова», знавший об азовских готах, знал и об азовских тюрках; надо предположить, что ему известна была какая-нибудь историческая сказка вроде той, которую приурочили к своим франкам Фредегар и «Gesta Francorum»; тогда понятно будет, почему земля тюрков Торихта на Дону сделалась у него землей троянской.

¹ Труд Вс. Ф. Миллера вызвал отрицательный отзыв проф. О. Миллера; см. его статью—«Еще о взгляде В. Ф. Миллера на «Слово о полку Игореве», ЖМНП, 1877, сентябрь, стр. 37—61.

Изложенные выше соображения Веселовского подверглись основательной критике со стороны Вс. Миллера, который вскрыл надуманность их, неувязку с данными «Слова», недостаточную обоснованность и пр.¹

В связи с постановкой вопроса о «Трояновых веках» у Веселовского, отметим, кстати, что А. Потебня в своем труде о «Слове» стоял на точке зрения, что Троян для автора «Слова» был представителем отдаленной древности, представлявшей какое-то сходство с «былинами сего времени» и с событиями времени не столь далекого: полками Ольговыми, похождениями Всеслава. Затем, говорит Потебня, остается неко

Рис. 1. Общий вид триумфального памятника гораету Traiani, построенного римским императором Траяном в 108—109 гг. в ознаменование победы над даками, в настоящее время (Gr. G. Tocilescu—Fouilles et recherches archéologiques en Roumanie, Bucarest, 1900, p. 3)

торая вероятность, что частная причина упоминания о Трояне здесь (стих 90) и в стихе 13 заключается в той черте сербской сказки, что Троян пробегал ночью большие пространства, напоминая этим таинственные рыскания Всеслава (Буслаев—Очерки, I, 390) и полет воображения Бояна (В. Миллер—Взгляд, 107)².

К сказанному выше прибавим следующее.

По общему предположению, Илион был разрушен греками в 1184 г. до н. э. Но на месте этого древнего Илиона впоследствии вырос Ново-Илион, о котором упоминает Страбон, расположенный предположительно на месте нынешней деревни Гиссарлик.

Известно, что Александр Македонский, его ближайший друг Лизимах, затем Юлий Цезарь и Константин I значительно расширили и украсили этот город.

¹ См. его статью «По поводу Трояна и Бояна», «Слово о полку Игореве». ЖМНП, ч. СС, 1878, стр. 255 сл.

² См. А. Потебня—«Слово о полку Игореве». Воронеж, 1878, стр. 119—121.

Все эти имена, особенно Александра Македонского, Лизимаха и Константина I, деятельность которых имела своим центром Балканский полуостров, слишком хорошо известны, чтобы надо было лишний раз подчеркивать, какой популярностью они пользовались среди населения полуострова и прилегающих к нему стран, и какие глубокие следы они оставили после себя как в устной, так и в письменной его традиции. Такою же популярностью пользовались здесь и предания о Троянской войне,

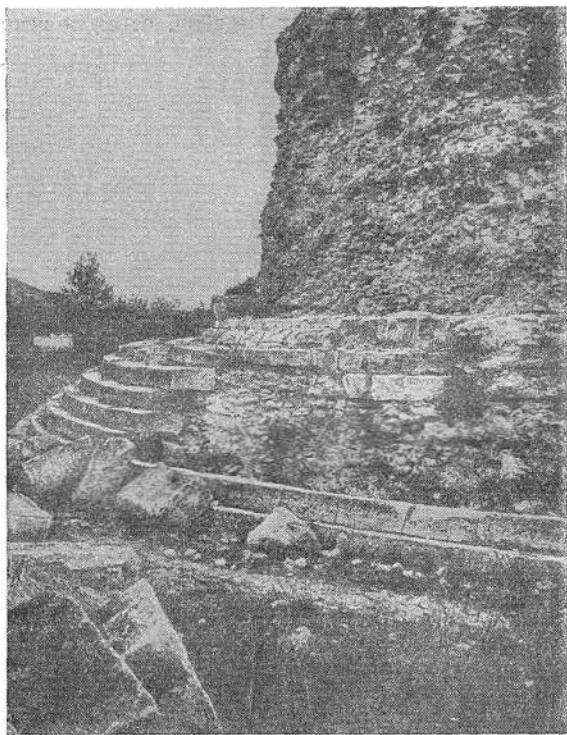

Рис. 2. Одна из боковых сторон триумфального памятника Траяна в современном состоянии (Adolf Furtwängler—Das Trojaion von Adamklissi und provincialrömische Kunst, München, 1905)

отложившиеся, например, в староболгарской литературе в четырех, независимых друг от друга, рассказах, из которых три рассказа имеют своим источником византийскую традицию и один, предположительно, западноевропейскую, латинскую или романскую. Это так называемая «Троянская притча». Болгарская версия этой «притчи», по исследованиям Пыпина и Веселовского, легла в основу и ее русской редакции. Пути, которые издавна связывали восточных славян с южными, прекрасно известны и не оставляют никакого сомнения в том, что устные предания о «Троянах» и «Троянской войне», еще до появления письменных источников, были издавна так же хорошо известны в Киеве, как они были известны и на берегах Эгейского моря во Фракии, и в Македонии, и в Родопях, и по склонам Гемуса, и в долинах Добруджи и Делиормана, т. е. в бывших владениях, во второй половине X в., киевского князя Святослава. Об Александре Македонском, о котором, между прочим,

рассказывают, что, переправив в 334 г. свои войска из Фракии через Геллеспонт в Азию, он первым долгом совершил жертвоприношение на развалинах Илиона в честь своего предка Ахилла, мы знаем также, что в 335 г. он, перевалив через Балканский хребет, проник в страну трибаллов и покорил их, а затем направился дальше, перешел Дунай, проник в страну живших за Дунаем гетов и тоже победил их. О Лизимахе мы знаем, что после смерти Александра он был наместником Фракии, победителем царя одрисов, Севта; что он был хорошо известен и задунайским гетам, которых в 292 г. пытался подчинить себе, но был взят ими в плен.

Имя царя Константина до сих пор хорошо известно в народных преданиях у южных славян, как оно известно и в их календаре. А о нем, помимо всего прочего, мы знаем, что в 332 г. он защищал свою страну от северных гетов, а в 334 г.—от сарматов.

Если рассматривать все эти факты не изолированно, не вне пространства и времени, и притом рассматривать их, как крупные исторические события, оставляющие на долгие века свой след в народной памяти, то для нас будет понятным, что русские

славяне испокон веков были естественными преемниками и законными наследниками того общекультурного достояния, которым жило население территории от Днепра и ближайших районов Заднепровья вплоть до берегов Эгейского моря. Я не буду останавливаться здесь на специальном вопросе об этнических взаимоотношениях между славянами и их предшественниками—фракийцами как на полуострове, так и далеко за его пределами на север и северо-восток в лице гетов и даков, хорошо известных и Александру Македонскому, и Лизимаху фракийскому, и Траяну римскому своею упорной стойкостью в деле национальной самообороны.

Сейчас я только подчеркиваю, что «Слово о полку Игореве», этот классический памятник древнерусской письменности мирового значения, выросло на основе того широкого международного культурного наследия, которое так характерно для высококультурно развитой Киевской России XI—XII вв. и которое делает наше «Слово о полку Игореве» русским памятником мировой литературы.

Сон царя Троады, «великого и страшного» царя Амора в «Слове о ветхом Александре»; сны Гекубы и Андромахи в «Троянской притче»; плач жены Гектора, Андромахи («и нача плакати жалостно»); плач троянок по погибшем Гекторе и их же плач после погрома Трои («и начаша жалостно плакати») — все эти подробности в староболгарских повестях имеют свои параллели и в «Слове о полку Игореве».

Современная и предшествовавшая южнославянская повествовательная литература, несомненно, очень хорошо была известна киевлянам, и надлежащее исследование вопроса о Трояне в «Слове о полку Игореве» должно учитывать не только данные истории и фольклора, но также и данные того международного литературного окружения, в котором вырос интересующий нас, уникальный по своей социальной значимости, памятник нашей старинной литературы, каким является «Слово о полку Игореве».

Но прежде всего Троян в «Слове о полку Игореве» есть подлинное историческое лицо, и именно римский император Траян, а не какой-либо мифический или литературный образ.

Уже для русского книжника XVI в., писателя «Слова и откровения святых апостол», было ясно, что «Троянь», числящийся в сонме славянских языческих богов, куда входят также Перун, Хорс, Дый и «инии мнози» — «бьяше царь в Риме». Другими

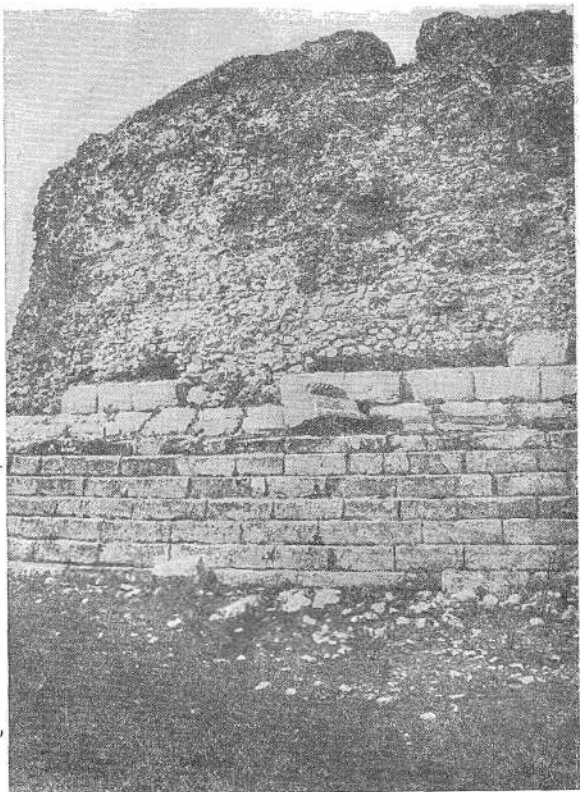

Рис. 3. Одна из боковых сторон триумфального памятника Траяна в современном состоянии (А. Furtwängler).

словами, еще в XVI столетии в народном сознании была, повидимому, жива традиция, видевшая в божестве Трояне подлинное историческое лицо, именно—римского Траяна. В более близкое к нам время в личности Трояна «Слова о полку Игореве» видел римского императора Траяна историк Карамзин.

В 1872 г. совершенно определенно в этом же смысле высказался проф. М. С. Дринов, в своем исследовании: «Заселение Балканского полуострова славянами», напечатанном впервые в «Чтениях Общества истории и древностей российских при Московском университете» (кн. 4), а затем в софийском издании собрания его сочинений в 1909 г. (т. I, стр. 139—316).

Что в «Слове о полку Игореве» речь идет именно о римском императоре Траяне, в 1875 г. утверждал и А. Н. Пыпин. «Эпоха Траяна,—говорит он,—оставила, повидимому, сильные впечатления в славянских племенах. Имя Траяна очень известно в преданиях болгарских, сербских и русских—он сделался сказочным героем, вошел в мифологию: в старых памятниках имя его ставится наряду с языческими божествами русского славянства. Перуном, Хорсом и т. д. Века Трояны упоминаются в «Слове о полку Игореве». Некоторые из толкователей этого произведения затруднялись дать Траяну место в русской поэме XII века; но, кажется, нужно согласиться, что и в сказочных преданиях

Рис. 4. *Tropaeum Traiani* в реконструированном виде (A. Furtwängler).

и в старых памятниках, упоминающих о русском язычестве, и в «Слове о полку Игореве» идет речь именно о римском императоре...»¹

Как мы видели выше, автор одного из наиболее интересных и обстоятельных трудов о «Слове о полку Игореве» 1876 г. Омельян Огоновский дал расшифровку трех мест в «Слове» с упоминанием имени Трояна, исходя отчасти из мифологического толкования образа Трояна, отчасти видя в нем известный символ. Но в выражении «Слова»—«рища в тропу Трояню»—в личности Трояна он без всяких колебаний видел римского императора Траяна, имя которого, по его утверждению, было связано с величественным валом, который и теперь тянется на Украине левым берегом Роси через Белую Церковь, сс. Томилівку, Чепилівку, Сухоліси, г. Рокитно, с. Ольшаницю и, наконец, у с. Саварок сворачивает к Богуславскому у. и к с. Синиці. Этот вал тянется на протяжении 84 верст и имеет высоту в 2 саж., имя же его, по утверждению Огоновского, взято от римского императора Траяна, который, по народному преданию, покорив Дакию, распространил свою власть и на эти районы. Траянов

¹ См. его статью—«Древний период русской литературы и образованности», «Вестник Европы», 1875, т. VI, стр. 128.

вал мог быть насыпан, по мысли Огоновского, как для обозначения границ Дакии, так и в целях отражения неприятельских нападений. Такие валы служили, однако, не только для охраны границ от неприятелей, но также и дорогою для передвижения войск и для сообщений. Впрочем, замечает Огоновский, живая память о Траяне утвердилась среди славян уже тогда, когда они во время завоевания Дакии Траяном продвинулись из Подунайских стран на север и заняли территорию от устья Днестра и Черноморского побережья вплоть до Ладожского озера и до Балтийского моря. Исходя из изложенных выше соображений, под «тропою Траяна» Огоновский понимает вал или дорожку римского императора Траяна, а не путь, ведущий в отдаленную мифическую старину, как толковал это выражение О. Миллер в своем «Опыте исторического обозрения русской словесности» (ч. 1, I, стр. 360)¹.

Наиболее обстоятельно, однако, эта точка зрения была развита в 1877 г. М. А. Максимовичем в специальной статье— «О значении имени «Троян», упоминаемого в «Слове о полку Игореве».

1. «Земля Трояня»—по толкованию М. А. Максимовича—это древняя Дакия, покоренная Ульпием Траяном в 102 г. н. э. и обращенная в область Траянову, *provincia Traiani*. К обитателям этой земли принадлежали также уличи и тиверцы. Автор называет их прямыми наследниками местных преданий о Траяновых делах, а, может быть, предполагает он, они и сами были их свидетелями и так же отбивались от римского властителя, как впоследствии отбивались они от воителей русских, от Олега Вещего и его питомца Игоря. Что же касается до полян Днепровских, то вся Придунайская земля Трояня была близка их сердцу, как древняя родина их, к которой относились их предания и воспоминания. Там, на Дунае, хотел водвориться князь их Кий со своим родом и уже срубил было себе городок Киевец... Святослав Игоревич считал Дунай серединой своей земли. Имя Дунай, доныне звучащее в народных песнях Руси, часто повторяется в Игоревой песне.

2. Тропа Трояня, по толкованию Максимовича,—это древняя дорога, пролегающая через Малую Валахию от Дуная до Карпатских гор, известная под именем дороги Трояновой, по румынски *cale Trajan*, в древности *Via Traiani*.

3. Веи Трояни—века, протекшие от покорения Дакии Траяном (102 г. н. э.), которое в бытии того края у его насельников, как видно, считалось достопамятнейшею и роковою эпохою.

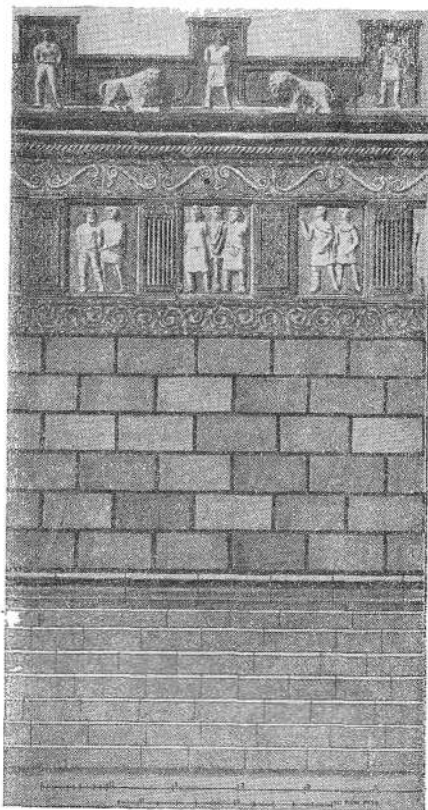

Рис. 5. Архитектурное оформление цилиндрического основания трофея в реконструированном виде (Gr. G. Tocilescu, стр. 31)

¹ См. назв. соч., стр. 38.

4. На седьмом веце Трояна...

При исчислении веков не в десять десятилетий, а в четыре сорока лет, т. е. в 160 лет, применительно к своеобразному господствовавшему счету по четыре и по-сороку, начало седьмого века от покорения Дакии Траяном в 102 г. действительно, как утверждает Максимович, приходится к тому 1063 г., под которым в Несторовой летописи замечено: «Новгород иде Волхов вспять дний пять; се же знамень не добро бысть, на четвертое бо лето пожже Всеслав град». А под следующим, 1064 годом у Нестора записано: «в се же лето Всеслав рать почал...»

Таким образом, заключает Максимович, все четыре упоминания Игорева песни с именем Трояновым, без противоречия друг другу, идут к имени императора римского, состоя в живой связи и с своеобразным преданием Киевской Руси о земле Придунайской¹.

В толковании образа Трояна в «Слове о полку Игореве» я лично примыкаю к историческому направлению, но иду в этом отношении несколько дальше своих предшественников как в общей постановке проблемы, так, в частности, и в своей расшифровке всех четырех мест в «Слове о полку Игореве», где упоминается имя Трояна.

Исходя из соображений о Киевско-дунайском поясе, как об известном едином и общем комплексе стадияльно-племенного и стадияльно-культурного и хозяйственного развития, восходящем к глубокой доисторической давности и сохранявшем еще значительную полноту своей жизненной дей-

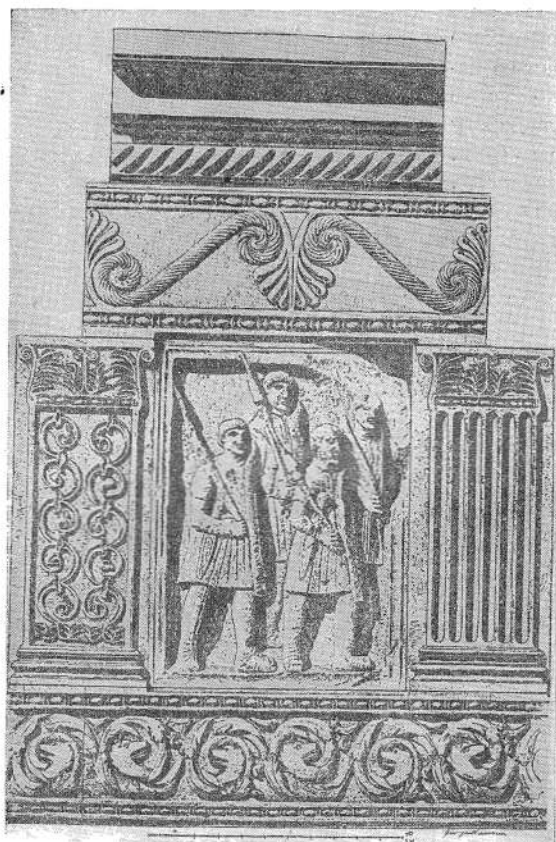

Рис. 6. Архитектурная деталь наружного оформления башни—основания памятника: фриз, метоп, архитрав, карниз (Gr. G. Tocilescu, стр. 35)

ственности в начальные века исторической жизни древней Руси, я, прежде всего, снимаю вопрос о заимствовании русскими славянами Трояна откуда бы то ни было со стороны, как в свой языческий пантеон, так и в свою топонимику, ономастику и поэзию. С моей точки зрения, Троян у русских славян, и как божество древнеязыческого культа и как известная историческая реминисценция, есть такое же органическое культурное доисторическое и историческое достояние русского народа, каким

¹ В Трояне «Слова о полку Игореве» видел римского императора Траяна и проф. Н. П. Дашкевич; см. его статью в «Сборнике в честь Ю. А. Кулаковского», 1911, стр. 231.

Троян же испокон веков был и у других славян на юго-западе и западе, и не только у славян, но и у других народов, этногонически или исторически связанных со славянами в качестве ли их стадияльного предшественника (фракийцы, фригийцы, скифы, геты, даки), или их позднейшего исторически преемника на данной территории (венгры и румыны).

Троян в «Слове о полку Игореве», с моей точки зрения, представляет собою не какой-либо мифологический или символический образ и не отложение в «Слове» какой-либо старой литературной традиции, а определенное историческое лицо, именно — римского императора Траяна, которого высокообразованный и просвещенный для своего времени автор «Слова», несомненно, знал как из устной традиции, так и из письменных источников. Отложившаяся в «Слове» большая литературно-художественная культура автора свидетельствует с несомненностью о том, что он был литературно-

Рис. 7. Мавзолей в *Tropaenum Traiani*, сооруженный Траяном в честь и память павших в битве с даками римских воинов (реставрация) (Gr. G. Tocilescu)

образованным человеком и, повидимому, был знаком не только с произведениями южнославянской письменности, но также и с произведениями западно-славянских литератур, которые хорошо были известны в Киеве, начиная уже с X в., еще до установления прочных литературных связей Киевской Руси с Византией и Болгарией, и легли в основу киевской образованности.

Не вдаваясь сейчас в подробности, отмечу только факт, что границы Киевской Руси в X—XII вв. соприкасались с границами западных славянских земель, и сношения с этими землями не были затруднены. «Повесть временных лет» под 996 г. сообщает: «и бе живя (Владимир) с князи околными миромъ, с Болеславом Лядскимъ, и с Стефаном Угорскимъ, и с Андрихомъ Чешскимъ, и бе мир межю ими и любы» (Лавр.). Киев, как мировой культурный центр в XII в., прекрасно характеризуется автором «Слова», когда, повествуя о киевских построениях в связи с поражением Игоря, он говорит о Киеве: «Ту немци и венедици, ту греци и можава поют славу Святославу, каютъ князя Игоря, иже погрузи жир во дне Каялы, реки половецкия»...

Все эти данные и вся обстановка культурно-исторической жизни современного Киева говорят о том, что автор знал и о Риме и в частности о римском императоре Траяне, в состав владений которого на северо-востоке некогда входила частично и его родина.

В этом историческом аспекте получает осмысление, прежде всего, известное выражение «Слова» земля Трояня, не как какой-либо образ или символ, а как политическая

характеристика, вероятно, самой Киевской Руси, имевшая в виду, в устах пламенного патриота, каким был автор «Слова», поднять престиж своей родины в годину переживаемых ею внешних и внутренних осложнений на высоту мировой державы и тем самым еще резче осудить мелочные княжеские раздоры, угрожавшие не только ее величию и целости, но и самому ее существованию.

«Уже бо, братие, невеселая година встала, уже пустыни силу прикрыла.

Встала Обида в силах Дажь-божья внука: вступила девою на землю Трояню; всплескала лебедиными крылы на синем море; у Дону плещючи, убуди жирьна времена.

У усобицах князем рать на поганяя погыбе: рекоста бо брат брату: «се мое, а то мое же» и начаста князи про малое «се велике» мълвити, а сами на себе крамолу ковати; а погании с всех стран прихождаху с победами на землю Русьскую...»

В этом же историческом аспекте получает свое разъяснение, не вызывающее никаких сомнений, и второе—остававшееся до сих пор загадочным—место в «Слове» с упоминанием имени Трояна: «На седьмом веце Трояни врьже Всеслав жребий в двию себе любу». Если не видеть в данном контексте никакого искажения его первичной оригинальной целости, т. е. не предполагать здесь никакого пропуска и принимать этот текст в том виде, как он читается сейчас, то его придется увязывать с личностью Всеслава Полоцкого, который жил в XI в. (ум. в 1101 г.), т. е. на седьмом веке после падения римского владычества в Киевско-Дунайской области. С другой стороны, к VII же веку после Траяна (ум. в 117 г.) относятся и образование Киевской державы.

В выражении «Слова» — «рица в тропу Трояню через поля на горы» — я вижу отложение названия совершенно реального географического пункта, а именно — одного из основанных Траяном памятников на полуострове в области нынешней Добруджи, в самом центре бывших владений киевского князя Святослава Игоревича, в ближайшем соседстве с его дунайской столицей Переяславцем, на пути вглубь страны к Великой Преславе, — *Toraesum Traiani*, имя которого легко могло сохраниться по традиции в памяти княжеских дружинников в форме «тропа Трояня», отложившись в каких-либо, не дошедших до нас, старых дружинных песнях и преданиях.

Ввиду того, что в русской литературе я не нашел следов знакомства с этим интересным произведением провинциального римского зодчества начальных веков н. э., остановлюсь на этом памятнике, имеющем обширную литературу на западе, несколько подробнее, тем более, что, по моему глубокому убеждению, он именно нашел свое отражение в нашем «Слове о полку Игореве».

По описанию румынского археолога Gr. G. Tocilescu (Точилеско), памятник этот представляет собою массивное цилиндрическое сооружение в форме каменной башни, имеющей сейчас в высоту 18 м и в диаметре 25—27 м. Она расположена в северо-западной части долины Урлойи (Urloia), между деревнями Адам-кисси и Юсфанар, в 30 км к востоку от г. Меджидие и в 20 км к югу от г. Рассовы, на господствующем над равниной холме. В одном километре к югу от памятника в долине находятся развалины большого римского лагеря — с насыпями, рвами, стенами и воротами. Рядом остались следы древнего города, который, видимо, простирался до деревни Адам-кисси. Частично сохранившаяся дорога связывала город и лагерь с памятником. По-турецки памятник этот называют *kumbet*, т. е. курган, могильная насыпь, или *Adam-Kilessi* (Adam-Klissi), т. е. «церковь человека», вероятно потому, по предположению Точилеско, что наверху его была статуя или несколько статуй. Самый памятник представляет собою сейчас цилиндрический массив из камня (*saxea turris*); кругом его опоясывает у подножия лестница с сохранившимися семью ступенями, поднимающаяся к окружающему памятник тротуару шириной в 1,7 м. Нижним своим основанием названная лестница упирается в более широкий бетонированный тротуар в 4 м

ширины, служащий как бы площадкой, на которой возвышается монументальный памятник, венчаемый гигантским трофеем. Первоначально высота этого памятника была 32 м, диаметр—30 м. Снаружи он был отделан скульптурой. В своем цельном виде, в каком памятник этот еще сохранялся, надо полагать, в X в., когда Добруджа входила в состав владений киевского князя Святослава, он был покрыт конической крышей из каменных плит, расположенных в виде черепицы, а над крышей возвышался трофей, поставленный на шестигранном цоколе. Первый фриз памятника состоял из акантовых листьев в форме спирали и заканчивался волчьей головой—военным знаком даков, фигурирующим и на Траяновой колонне. Второй фриз состоял из квадратных плит с рельефными изображениями военных сцен (в числе 52, найдено из них 50); третий фриз—орнаментальный; четвертый—карниз без украшений; пятый—парапет с зубцами, с рельефными изображениями на них пленных вождей и с орнаментом. На известном расстоянии друг от друга вдоль площадки карниза расположены львиные фигуры с открытыми пастьми—водостоками.

Названный выше шестигранный цоколь, высотой в 2 с лишком метра, служивший базой для трофея, был облицован известняковыми плитами в 2,40 м шириною каждая; на двух из них имелась посвятельная надпись; от этой надписи уцелело десять обломков, которые в целом дали возможность исследователю восстановить несколько строк, помещавшихся на первых двух плитах. Надпись на первой плите следующего содержания:

MArti VLTORI
IMp. caesAR—DIVI
NERVAE. f. nERVA
TraIANVs. aug. germ.
dacicu S. Pont. MAr.

То-есть Marti Ultori Imperator Caesar divi Nervae filius Nerva Traianus Augustus Germanicus Dacicus Pontifex maximus—«Марсу Ультору. Император Цезарь, сын божественного Нервы, Нерва Траян Август, Германский, Дакийский, великий понтифекс».

Данные этой надписи дают основания заключать, что памятник относится к 108—109 гг. н. э., к победам Траяна над даками и может быть сближаем с другими аналогичными же памятниками и в первую очередь с Траяновой колонной в Риме. На памятнике имеются, между прочим, скульптурные изображения императора Траяна и пленников-даков. На шестигранном цоколе стоял гигантский трофей, ствол которого был высотой в 5,40 м и 2 м в диаметре. На нем был укреплен императорский панцирь, на котором имеется барельефное изображение римского всадника и трех воинов-пехотинцев; за всадником представлен поверженный вождь варваров. С правой и левой стороны панциря имелись два щита с головами медузы, а также поножны, тоже украшенные головами медузы. Трофей увенчивался, несомненно, как предполагают Точилеско и другие исследователи, каской, пока еще не разысканной.

У основы ствола трофея, вероятно, были расположены многочисленные статуи; одна из них представляла пленного вождя варваров во весь рост, с руками, связанными за спиною; остальные были представлены в сидячем положении и прислоненными к стволу трофея; они изображали собою тоже пленников, закованных в цепи.

Приведенный выше материал приводит исследователя к заключению, что сохранившаяся до наших дней цилиндрическая башня, связанная с именем римского императора Траяна, была не мавзолеем и не каким-либо оборонительным сооружением, а монументальным памятником, имевшим своею целью напоминать покоренным дакам о их завоевателе—римлянах.

На расстоянии 200 м от «трофея» был расположен на небольшом холме высотой в 2,90 м и в диаметре 20 м квадратный мавзолей высотой в 6 м, поставленный в память римлян, павших в сражении, которое, повидимому, происходило на этом месте. Холм (tumulus) этого мавзолея был украшен рядом надписей с перечислением имен римских воинов и с показанием соответственных воинских частей.

В нескольких километрах от «трофея» был расположен город, основанный Траяном, под названием Municipium Troaeum Traiani, который был возобновлен в 316 г. императором Константином под именем Civitas Troaeensium. Город был окружен стенами, частично сохранившимися до сих пор, с башнями и тремя воротами; он занимал площадь в 12 га и имел много зданий, в том числе три базилики: одна из них—византийская, другая—более раннего времени и третья—времени Траяна, похожая на Basilica Julia в Риме¹.

Таким образом, Troaeum Traiani, известный сейчас в литературе чаще под именем деревни Адамкисси, у которой расположены эти «гигантские», по выражению одного из исследователей (D r e x e l), руины, представляет собой целый комплекс исторических памятников в составе: 1) собственно «трофея», т. е. монументальной массивной башни огромных размеров и высокохудожественной отделки, построенной Траяном в 108—109 гг. и возвышавшейся на 32 м в высоту, в ознаменование покорения Дакии; 2) мавзолея квадратной формы и тоже художественной отделки в честь павших воинов, в 6 м высотой, и 3) укрепленного города—Municipium Troaeum Traiani, или Civitas Troaeensium, построенного Траяном в духе и в стиле больших римских укрепленных лагерей-городов. Это и есть, с моей точки зрения, та именно «Тропа Трояня», которая была расположена в центре болгарских владений киевского князя Святослава Игоревича и лежала на пути из его Переяславца на Дунае вглубь страны по направлению к болгарской столице, Великой Преславе, ставшей вскоре, во вторую балканскую экспедицию Святослава, его собственной столицей.

Мы не знаем, в каком виде и в какой сохранности застали киевляне в X в. эту «тропу Трояню», в которую и через которую им постоянно приходилось «рыскать» по разным военным и административно-хозяйственным надобностям из своего Переяславца на юг, вглубь страны, в Великую Преславу и обратно, но что этот величественный памятник, взятый в своем комплексе, должен был производить на них разительное впечатление, в этом вряд ли можно сомневаться. Память об этой «тропе Трояней» вместе с князем Святославом на долгое время затем вошла в круг исторических реминисценций киевлян и в XII в. отложились и в «Слове о полку Игореве».

В этом же историческом аспекте не вызывает никаких сомнений и последнее загадочное выражение в «Слове», связанное с именем Трояня, — «были веди Трояни, минула лета Ярославля; были плъци Ольговы, Ольга Святославлича...»

Если «земля Трояня» представляет собою на языке автора «Слова о полку Игореве» исторический эпоним Русской земли, то термин «веди Трояни» характеризует собою в сознании автора «Слова» определенную хронологическую дату, определенный отрезок исторического прошлого территории Киевско-Дунайской области, предшествовавший возникновению на его юго-восточной периферии, на Дунае, в VII в.—славянской державы болгар, а на Днепре в IX в.—Киевского княжества.

Интересно при этом отметить, что непосредственно вслед за «веками Трояня» автор «Слова» называет эпоху Ярослава Мудрого («минула лета Ярославля»). Это крупнейшие, по автору «Слова», этапы в историческом прошлом его родины, и они характеризуются у него именами двух крупнейших политических деятелей и орга-

¹ G. G. Tocilescu—Fouilles et recherches archéologiques en Roumanie Bucarest, 1900. I. Sur le monument triomphal de l'empereur Trajan à Adam-Klissi (Dobroudja) et la ville de Troaeum Traiani, стр. 5—28.

низаторов своего времени. Киевское княжение Ярослава (1036—1054 гг.) представляет собою «решительную эпоху в истории политического и церковного строя Киевской Руси» (А. Е. Пресняков—Лекции по русской истории, т. I, М., 1938, стр. 135). Ярослав завершил строение Киевского государства; он создал церковную организацию, вошедшую в состав константинопольского патриархата; он заложил основы гражданской и правительственной организации, и «Новгородская Правда» стала при нем «Русской Правдой»; он укрепил южные границы своего государства и, разгромив печенегов, отбросил их к Дунаю и за Дунай; он высоко поднял международное положение России, введя ее в круг широких международных отношений и связей. При дворе Ярослава живет Олаф с сыном Магнусом, вынужденный бежать из Норвегии (пока с русской помощью не вернулся к власти); при дворе же Ярослава живет и Гаральд, будущий норвежский король, женатый затем на Елизавете Ярославне. Известна Анна Ярославна, французская королева, супруга Генриха Капета, мать короля Филиппа I, по второму браку графиня де Крепи. Переговоры Ярослава с Генрихом III, императором Священной Римской империи, о женитьбе его сына на дочери «русского короля» не увенчались успехом, но Святослав Ярославич женат на сестре епископа Бурхардта трирского, Изяслав Ярославич—на германской принцессе Гертруде; за какими-то русскими князьями были замужем дочери маркграфа саксонского Одона и графа штадского Монольда. Эти отношения, замечает историк, показательны для места, какое Киевская Русь заняла в тогдашнем политическом мире (А. Е. Пресняков, назв. соч., стр. 137 сл.).

По характеристике другого историка, в XI—XII вв. Киевское государство было в апогее своего расцвета. Двор киевского князя был хорошо известен всему тогдашнему миру и играл в международных отношениях большую роль. Киевские князья ахотились в родственных отношениях с царствующими домами Византии, Англии, Франции, Польши, Скандинавии, Венгрии и пр. В Киеве находили себе приют сыновья английского короля Эдмунда, Эдвин и Эдуард, изгнанные из Англии датским конунгом Канутом, и т. д. Киев в то время, по описанию современников, был одним из больших городов Европы. Читая такой драгоценный бытовой памятник, как Печерский Патерик, мы получаем чрезвычайно живое и наглядное представление об этнографической пестроте населения тогдашнего Киева. В стенах монастыря перед нами сменяются варяжский князь Симон, пришедший из-за Балтийского моря; княжеский врач-армянин, евреи, с которыми Феодосий вел «прю о вере»; греческие художники, приходившие на поиски заработка; венгерцы с берегов Дуная; половцы из соседних южнорусских степей; поляки, немцы, греческие купцы, славяне—кого только ни захватывал в свой волны поток торгового движения из «варяг в греки»¹.

Вот та политическая и культурная атмосфера, традициями которой живет автор «Слова о полку Игореве». Эти традиции для него не только живы, но и действенны, и в свете этих традиций пред нами еще ярче выступает не только его пламенная любовь к родине, защита ее славы и борьба за ее процветание, но и его тенденция подчеркнуть мировое величие и престиж своей родины увязкой ее истории с мировой историей. С этой же точки зрения для нас становятся совершенно понятными и не вызывающими никакого сомнения не только связи «Слова о полку Игореве» с произведениями южнославянской литературы, но и с такими произведениями мировой литературы, как «Песня о Роланде» или поэзия народов Севера.

Акад. Н. Державин

¹ В. Самойлов—Образованность в Киевской Руси и Московском государстве, «Исторический журнал», 1938, № 8, стр. 54.

¹² Вестник древней истории, № 1(6).